

Отец Андрей Колесников

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ Я СПРОСИЛ ЕЕ,
ЧТО ОНА ТАЙКОМ ОТ МЕНЯ СЪЕЛА.
— НИЧЕГО, ВСЕ ПРИ ТЕБЕ, —
ПОЖАЛА ОНА ПЛЕЧАМИ. — И ЧИПСЫ,
И КОНФЕТЫ, И ШОКОЛАДКУ

МЫ ЕХАЛИ из загорода, когда Маша пожаловалась на то, что у нее сильно болит живот. Мы даже несколько раз останавливались по дороге, потому что она жаловалась на тряску. Она не так уж часто жалуется на что-нибудь. Маше было больно, я переживал, Ваня играл в какую-то игру в наушниках и особенных признаков беспокойства не проявлял.

В конце концов, вдруг подумал я, Маше уже скоро 12 лет, и может, началось у нее... начались... эта женская история... В общем, я почувствовал себя совершенно беспомощным перед лицом этой угрозы.

Везти ее с этим в больницу? Да, наверное. Конечно, везти. Боль-то не проходила. Мы ехали, она терпела. Даже Ваня в конце концов начал поглядывать на сестру с каким-то сомнением. Он, похоже, до конца не был уверен, что она не симулирует.

— Да, — задумчиво сказал он наконец, — не зря мама запрещает пить кока-колу с чипсами...

— Это не там болит... — сказала Маша.

Тут я окончательно, кажется, все понял. По пути была редакция Ъ и медпункт при ней. Я решил, что предварительное обследование мы сделаем поскорее в походных условиях. Ваню мы оставили за дверью медпункта. Он демонстративно вздохнул и сел на пол у стенки.

Доктор спросил, сколько Маше лет.

— Одиннадцать, — честно сказала она, наверное, просто от испуга, потому что обычно говорит, что почти двенадцать.

— Ну, ложись, — сказал доктор, — поднимай платье.

Маша посмотрела на меня.

— Мне выйти? — спросил я.

Доктор сказал, что ни в коем случае.

— Вы же папа? — на всякий случай уточнил он.

— Папа, — подтвердила Маша. — Не уходи, пап! То есть она стеснялась перед доктором, а на меня глядела, потому что спрашивала, надо ли поднимать платье. Она, слава Богу, стеснялась перед доктором, а не передо мной.

— Поднимай, — сказал я. — Хуже не будет.

Доктор пощупал живот и вынес диагноз:

— Прекрасный, мягкий живот.

Мне на секунду показалось, что диагноз был слишком лирическим.

— Ну вот скажи, — с некоторой, уже знакомой мне (по себе) растерянностью сказал доктор, — а у тебя еще не было ничего такого... женского?.. Ну как сказать?

Он посмотрел на меня. Глаза его просили о помощи.

— Месячных? — переспросила Маша. — Нет, еще не было. Но мы с мамой ждем. Но это, кажется, не те симптомы.

Я хотел, конечно, спросить у нее, откуда она знает, какие это симптомы, если у нее ничего этого ни разу не было, но сдержался перед лицом маминого авторитета, который чувствовался в этой комнате.

Доктор задумался, потом дал ей две таблетки и сказал, что надо подождать минут 20, прежде чем они подействуют, а уж потом будем решать окончательно.

Эти 20 минут дети провели у меня в кабинете. Я отлучился, а когда вернулся, они уже истязали мой компьютер.

— Маша, что с животом? — спросил я.

— Что? — рассеянно переспросила она. — А, не болит. Все хорошо, пап.

Я возликовал.

По дороге домой я спросил ее, что она тайком от меня съела.

— Ничего, все при тебе, — пожала она плечами. — И чипсы, и конфеты, и шоколадку.

— Ну вот, — сказал я. — Еще бы у тебя не заболел живот!

— Нет, — сказала она, — я думаю, это тут ни при чем.

— А что же тогда? — спросил я.

— Я думаю, — ответила Маша, — это из-за того, что перед поездкой в Москву Ваня меня в живот ногой ударил.

— Что же вы ничего не сказали?! — вскричал я. — Ваня, это правда?

— Правда, — сказал он. — Но она первая начала.

— Да, — подтвердила Маша, — я первая начала. Но у меня была причина.

Я уже не стал выяснять причину.

— Что же ты доктору сразу не сказала? — спросил я. — Нельзя же так! Это же живот девочки. Считай что девушки! А ты, Ваня?! Как ты мог?!

— Да странно... — пробормотал Ваня. — Я ее столько раз бил в живот, когда мы дрались — и ничего. И она меня. А тут... Но я, наверное, больше не буду.

В голосе его я не услышал уверенности.